

Я. Г. СОЛОДКИН

О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына

Первая часть «Истории» Авраамия Палицына¹ (6 начальных глав) существует в двух редакциях. Первоначальная редакция сохранилась в Забелинском и Академическом вариантах, каждый из которых представлен одним списком, а окончательная дошла до нас в большом количестве рукописей. Первые главы вызывают противоречивые оценки исследователей. Предметом споров является и их датировка.

В окончательной редакции вышущены гневные излияния по поводу поношения «святых икон», чтобы «умолить» Бориса Годунова принять царство. Подобная церемония имела место и в 1613 г. Поэтому один из первых исследователей «Истории» А. В. Горский датировал обнаруженный им Академический вариант периодом до воцарения Михаила Федоровича. Появление окончательной редакции он относил к началу правления Романовых.² С. И. Кедров повторил мнение А. В. Горского о времени написания первой редакции. Окончательный же текст начальных глав исследователь со ссылкой на «Историю» датировал 1620 г.³

Выводы А. В. Горского и С. И. Кедрова о времени создания начальной редакции были пересмотрены С. Ф. Платоновым. Он обратил внимание на следующий фрагмент в конце второй главы произведения: «В тая же лета (голодные годы, — Я. С.) мнози имущей глаголаху к просящим: не имама ничто же; во время же пленения от всех окольных язык, наипаче же от своих, то обретеса безчислено расхищаемо всякого хлеба, и давняя житницы не истощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоной и копон и зародов до четырехнадесять лет от смятения во всей Русской земле, и питахуся вси от поль старыми труды; орание бо и сеятва и жатва мятышеса, мечю бо на выи у всех всегда надлежащу».⁴ По С. Ф. Платонову, этот фрагмент «показывает, что Палицын составил начало своей книги не ранее как через 14 лет после голода 1601—1603 годов, то есть в 1615—1617 гг.». Это мнение С. Ф. Платонов повторил и позднее, в беседах с П. Г. Васенко.⁵

¹ Большинство исследователей пользуется названием «Сказание». Но сам Палицын именовал свое произведение «Историей», см.: Сказание Авраамия Палицына. Подгот. текста и комм. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955, с. 101, 249, 250 (далее: Сказание). В состав же «Истории» входит 5 «Сказаний», ряд промежуточных и заключительная главы.

² [А. В. Горский]. Возражения против замечаний об осаде Троицкой лавры. — Москвитянин, 1842, № 12, с. 422, 429.

³ С. Кедров. Авраамий Палицын как писатель. — Рус. архив, М., 1886, № 8, с. 448, 456. Но Палицын говорит о 7128 г., а это (по сентябрьскому счету) — 1619—1620 гг.

⁴ Сказание, с. 255.

⁵ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, с. 177; П. Г. Васенко. Две

Но правомерно ли считать, что Палицын связывал начало общерусского «смятения» со временем голода? Согласно приведенному высказыванию келаря, в голодные годы имущие уверяли, что у них ничего нет; в период же четырнадцатилетнего «смятения» (разорения страны внешними и особенно внутренними врагами), когда земледелие находилось в упадке, хлеба хватило. Как же могло не быть хлеба у богатых во время голода, — размышляет Палицын, — если его было достаточно в последующие четырнадцать лет «смятения»? Итак, в «Истории» голодные годы явно противопоставляются эпохе «великой разрухи».

Большинство отмеченных келарем признаков «смятения» нельзя отнести к 1601—1603 гг. По Палицыну, царь Борис в это время был славен и почитаем в соседних государствах, а согласно окончательной редакции, — даже «страшен» им. Иноземное «воинство» появилось в стране лишь при Лжедмитрии I. Свокорыстное поведение имущих в голодные годы Палицын считает причиной того, что Россия «от прочих язык пострада»,⁶ т. е. явно отличает период голода от последующего времени. Следовательно, говорить о чужеземном пленении страны в голодные годы не приходится.

По С. Ф. Платонову, «смятение», в глазах Палицына, «вызвали воровские шайки во время и после великого голода».⁷ Но для автора начальных глав «разбойничество» в голодные годы выразилось только в массовом бегстве на «украины» боярских военных слуг, которых после опалы господ Годунов запретил принимать в услужение. Это, однако, не поколебало устоев государственного порядка. Затаив злобу на царя, беглецы ждали своего времени. Оно настало с появлением Самозванца. «Негодование на царя» остальных бывших челядинцев, которые пережили голод, не нашло тогда выхода даже в бегстве. Итак, если относить начало «смятения» к «великому» голоду, то нельзя указать его участников,⁸ хотя Палицын в других случаях, говоря о «смятении», всегда их называет.⁹

Голод и «смятение» Палицын считает особыми этапами «беды во всей России», как он определяет весь комплекс событий начала XVII в. Первый этап — это «время. . . искушения гнева божья», которое выразилось в стихийном бедствии, неурожае, голоде и море. Тогда, согласно Палицыну, многие имущие не выдержали испытания, следствием чего и было общерусское «смятение», — это второй этап «всероссийской беды», отделенный от первого временем «мира и утверждения» правления Бориса.¹⁰ Становится ясным, почему келарь, не считавший голодные годы началом «смятения», счел необходимым датировать их.

Точке зрения С. Ф. Платонова противоречит следующее замечание Палицына: «. . . егда рекохом мир и утвержение о управлении Бориса. . . , внезапно приде на нас всегубительство» (нашествие первого Самозванца). Итак, следуя мнению исследователя, приходится допустить, что на протяжении 14 лет «смятения» было хотя бы кратковременное затишье. Но келарь

редакции первых шести глав Сказания Авраамия Палицына. — ЛЗАК за 1919—1922 годы, вып. 32. Пг., 1923, с. 33. Такого же взгляда держатся Н. Н. Фирсов и Д. П. Маковский, первоначально его разделял И. А. Голубцов (см.: Н. Н. Фирсов. Исторические характеристики и эскизы (1890—1920 гг.), т. 1. Казань, 1921, с. 12, 24; Д. П. Маковский. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967, с. 275, 467; И. А. Голубцов. «Измена» Нагих. — Учен. зап. Ин-та ист. Росс. ассоциации науч. ин-тов обществ. наук, М., 1929, т. IV, с. 66, 69).

⁶ Сказание, с. 106, 109, 110, 255, 257—258, 260.

⁷ П. Г. Васенко. Две редакции. . . , с. 33.

⁸ Это фактически вынужден признать и Д. П. Маковский (Д. П. Маковский. Первая крестьянская война в России, с. 467).

⁹ Сказание, с. 110, 116 и сл., 185, 205, 217, 221, 231, 260, 266 и след.

¹⁰ Там же, с. 106, 110, 255, 260. В ряде списков «Истории» читаем: «Пред очима убо нашими что содеяся? Первое глад, потом мор, таже меч и огнь» (там же, с. 239, примеч. 90).

ларь прямо говорит, что в «смятенье» все кормились «старыми труды... мечю бо на выи у всех *всегда* надлежащу» (курсив наш).

Согласно выводам С. Ф. Платонова, максимальная продолжительность «смятения» составляет 16 (1602—1617), а не 14 лет, а концом этого «смятения» являются события 1615—1617 гг., о которых Палицын и не упоминает.

Склоняясь к датировке первой редакции начальных глав 1615—1617 годами, С. Ф. Платонов признавал и возможность ее создания до окончания русско-польской войны в конце 1618 г. Исследователь ссылался на слова Палицына, что и «доднесь вся Россия не может от выя своея разрешити того ярма», т. е. самозванчества.¹¹ Но можно ли считать эти слова исторической реальей? Ведь они сохранены в окончательной редакции, написанной, по общепринятому мнению, после «великой разрухи». Указанное замечание можно относить именно к этому времени, как делают некоторые исследователи.¹² В сознании наблюдательного Палицына окончание «смятения» не означало автоматического прекращения породивших и питавших его «грехов». Поэтому обличение последних сохраняло актуальность и по завершении «беды во всей России».

С. Ф. Платонов не исключал и возможности появления первой редакции до возвращения Филарета из польского плена (июнь 1619 г.), так как в «Истории» не упоминается о московском патриаршестве старшего «Никитича».¹³ Но этого известия нет и в окончательной редакции. Объясняется это, видимо, тем, что целью автора начальных глав было описать события до царствования Василия Шуйского включительно, обращая основное внимание на «греховные» дела своих современников. Он сознательно предпочел темные краски своей богатой палитры, а в изображении «смуты» при царе Василии почти ограничился ими;¹⁴ так что данное наблюдение С. Ф. Платонова не свидетельствует в пользу датировки Академического варианта временем до середины 1619 г.

Следовательно, попытку С. Ф. Платонова датировать первую редакцию начальных глав нужно признать неудачной.

В начале 1920 г. П. Г. Любомиров ввел в научный оборот Забелинский вариант первой редакции. Исследователь датирует его периодом «смуты», когда якобы и можно было писать, «киих ради грех попусти господь бог наш праведное свое наказание», в расчете на покаяние нагрешившего населения.¹⁵ Но причины «смуты» определяются во многих произведениях, написанных после ее окончания, в том числе в окончательной редакции начальных глав «Истории», где, как заметил Ю. Д. Кашкаров, также имеется формула «киих ради грех».¹⁶ Покаяние же «буйного и непокорливого»

¹¹ Сказание, с. 110, 260. В первой редакции встречается еще несколько подобных замечаний, частично указанных П. Г. Любомировым (П. Г. Л ю б о м и р о в. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына. (К литературной истории «Сказания»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1922, с. 241, примеч. 1).

¹² А. А. З и м и н. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. — ВИ, 1958, № 3, с. 99; Н. П. Д о л г и н о в. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958, с. 11.

¹³ С. Ф. П л а т о н о в. Древнерусские сказания и повести. . . , с. 177.

¹⁴ Это разъясняет недоумения П. Г. Любомирова по поводу отсутствия в первой редакции указаний на ряд фактов 1609—1610 гг. (П. Г. Л ю б о м и р о в. Новая редакция. . . , с. 241, 244).

¹⁵ Там же, с. 241.

¹⁶ Сказание, с. 109 (л. 20 об.); Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына? — Филол. науки, М., 1964, № 4, с. 111. Исследователь справедливо отвергает гипотезу О. А. Державиной, приписывающей авторство первой редакции троицкому архимандриту Дионисию. Но его аргументация неполна, а иногда попросту ошибочна.

населения было очень желательно для правительства Романовых и после гражданской войны, отголоски которой долго жили в народе.

При датировке Забелинского варианта П. Г. Любомиров отказался использовать указание на длительность «смтения», считая, что здесь имеется в виду прошлое, а не будущее.¹⁷ Исследователь относит появление этого варианта к промежутку времени между низложением Василия Шуйского и «московским разорением», за которым последовало составление мартовской (1611 г.) грамоты Троице-Сергиевой лавры, известной по ее изложению в «Истории». Часть же текста этой, а также июльской грамоты монастыря почти дословно совпадает с риторической концовкой первой редакции и, по утверждению П. Г. Любомирова, именно отсюда перешла в троицкие послания, одним из составителей которых был красноречивый келарь. Но возможна и обратная зависимость.¹⁸ Палицын заимствовал из грамот, и эти заимствования попали в Сказание о разорении и освобождении Москвы, написанное не ранее октября 1612 г.¹⁹ Риторические вопросы, касающиеся бедствий «смуты», — это, видимо, экспромт, родившийся в напряженный момент создания мартовской грамоты на основе патристической письменности конца 1610—начала 1611 г. Как пользующиеся особой популярностью, они перекочевали в другие троицкие послания, составленные «по прежеписанному»,²⁰ а затем и в «Историю», в том числе в ее начальные главы.

По П. Г. Любомирову, Забелинский вариант вероятнее всего появился в конце декабря 1610 или в январе 1611 г., тем более что эмоционально он якобы соответствует душевному состоянию келаря по возвращении из «бездельного» посольства под Смоленск. Но мы ничего не знаем о настроении Палицына на рубеже 1610—1611 гг. Следуя логике исследователя, к этому времени можно отнести и Академический вариант, и окончательную редакцию начальных глав, поскольку в них наблюдается тот же беспросветный пессимизм, что и в Забелинском варианте. В конце 1610—начале 1611 г. Палицын размышлял, видимо, не столько о причинах постигших страну бедствий, сколько о том, какую позицию занять ему и его монастырю в тогдашней противоречивой обстановке. Будучи прежде сторонником Владислава или даже Сигизмунда, келарь в начале весны выступает пропагандистом первого ополчения. К тому же трудно представить, чтобы по возвращении из-под Смоленска он сразу принялся за создание начальных глав, требовавшее большой предварительной работы.

В аргументации П. Г. Любомирова можно вскрыть противоречия, неточности, натяжки. Так, «предание» Шуйского исследователь сперва правильно понимает как низложение, а затем как выдачу его гетману Жолкевскому или увоз в Польшу. Подобной трактовке противоречит даже буквальное толкование «предательства» как отступничества от Шуйского.²¹ Сообщая же о его пленении, Палицын не говорит о таком отступничестве прежних сторонников Шуйского; к этому времени бывший царь был совершенно незащищен, так что его пленение не встретило затруднений. К тому же в данном случае Палицын не указывает виновников «предания».²²

¹⁷ Ранее такое мнение в отношении окончательной редакции высказал П. Н. Полевой в рецензии на указанную монографию С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести. . .» (Ист. вестн., М., 1888, ноябрь, с. 488, примеч. 1). Ошибочность подобного взгляда показал уже Васенко (П. В а с е н к о. «Забелинская» редакция первых шести глав «Истории» Палицына. — СОРЯС, 1928, т. 101, № 3, с. 101—102).

¹⁸ И. А. Г о л у б ц о в. «Измена» Нагих, с. 68.

¹⁹ Сказание, с. 213, 214, 229.

²⁰ Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором. . . , с. 116.

²¹ Сказание, с. 114, 132, 150, 161, 175, 201, 213 и др.

²² Ср.: там же, с. 114, 116, 118, 121, 264, 266, 268, 272, 278 и др.

В замечании Палицына об осквернении «божьих образов» П. Г. Любомиров предполагает намек на выстрел поляка Блинского в икону Богородицы над Сретенскими воротами. Но он приводит лишь часть фразы, отмечающей поругание «святых божьих церквей и божьих образов» (характерен и порядок перечисления). О подобном святотатстве сообщается и в других местах шестой главы произведения. Далее, пленение и увоз Шуйского в Польшу, относящиеся к августу 1610—апрелю 1611 г., не вмещаются в прокрустово ложе датировки П. Г. Любомирова. Осквернение же иконы С. Маскевич относит к октябрю 1610 г., а К. Буссов — к концу января 1611 г.²³ Предпочитать последнее сообщение нет оснований.

При датировке Академического варианта П. Г. Любомиров уже обратился к рассказу о хлебных запасах в голодные годы.²⁴ Началом «смятения» у Палицына он считает воцарение Бориса, на умоление которого «двигнут бысть нелепо» «образ» Владимирской Богоматери, «двигнута же и Россия бысть нелепо».²⁵ Но первая часть этой патетической фразы имеет в виду ношение икон, так что под «нелепым движением» страны можно понимать не «смятение», а движение к этому «смятению», подготовленному, в оценке Палицына, главным образом в царствование Бориса. П. Г. Любомиров не учитывает, что после избрания Годунова в течение двух лет «всеми благиями Россия цветяше».²⁶ Накануне вторжения Лжедмитрия I в стране также наблюдалось спокойствие. Итак, по крайней мере свыше двух лет царствования Бориса нельзя отнести к общерусскому «смятению». Последнее же под пером келаря выглядит непрерывным. Едва ли случайно Палицын не счел нужным и датировать избрание Годунова на престол. Мнению П. Г. Любомирова противоречат отмеченные в «Истории» признаки «смятения» и фраза о «мире и утверждении», внезапно нарушенных вторжением первого Самозванца; противоречит ему и то, что рассказ о «нелепом движении» иконы опущен в окончательной редакции.

Отсчитывая 14 лет от года воцарения Бориса, П. Г. Любомиров приходит к 7120 (1611/12) г. и относит к этому году все признаки «смятения». Но эти признаки можно отнести и к более раннему, и к более позднему времени. Политическая обстановка конца 1611—начала 1612 г. не благоприятствовала литературной работе Палицына.

По мнению П. Г. Любомирова, Академический вариант появился на четырнадцатом году общерусского «смятения». Но хронологическая реальность в рассказе о великом голоде сохранена и в окончательной редакции, указывая, таким образом, на абсолютную длительность «смятения». Определить же эту длительность можно было, естественно, лишь по завершении «беда во всей России». А рубеж 1611—1612 гг. Палицын, конечно, не считал концом «смутного времени».²⁷

Датировка П. Г. Любомировым первой редакции делает не совсем понятными теплые отзывы келаря о Романовых, ибо о его близости к ним до 1613 г. говорить не приходится.²⁸ Правда, по словам исследователя, и при этой датировке можно объяснить сильные фразы о «неповинной погибели» Никитичей, так как из всех опал Бориса только их заточение якобы могло

²³ Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. II. Изд. 3-е. СПб., 1859, с. 48—49; Конрад Буссов. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961, с. 182.

²⁴ В издании Академического варианта его разночтение с Забелинским в этом месте почему-то не отмечено. Ср.: Сказание, с. 255 (л. 330); ГИМ, собр. Забелина, № 446/641, л. 83—83 об.

²⁵ Сказание, с. 252; П. Г. Любомиров. Новая редакция. . . , л. 245.

²⁶ Сказание, с. 104, 252; И. А. Голубцов. «Измена» Нагих, с. 69.

²⁷ Сказание, с. 219—220.

²⁸ О. А. Державина. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. — В кн.: Сказание, с. 25.

расцениваться современниками подобным образом.²⁹ Это ошибка. Публицисты начала XVII в. считают жертвами гоудуновского произвола не только Романовых, но и многих других. Палицын держался того же мнения. Но из всех опал Бориса он выделял гонения на Романовых: их Гоудунов «насилывал злейши» Шуйских, «изгнание» Никитичей явилось первопричиной «искушения гнева божья» и повлекло за собой другие опалы.³⁰ Автор начальных глав внимательно следит за судьбой будущих правителей страны. Это лучше всего объясняется при допущении, что он писал после воцарения Михаила.

Итак, выводы П. Г. Любомирова о времени появления первой редакции требуют пересмотра. Окончательная редакция, по его мнению, возникла через несколько лет после Академического варианта — не позже 1620 г.

Новая попытка решить проблему датировки начальных глав одновременно с П. Г. Любомировым была предпринята П. Г. Васенко.

Автор первой редакции в целом отрицательно отзывался о Василии Шуйском. Считая, что династия Романовых всегда смотрела на Шуйского как на законного царя, П. Г. Васенко утверждает, что Академический вариант появился во время междоусарствия.³¹ Но как показал Л. В. Черешин, отношение Романовых к Шуйскому долго оставалось неясным.³² Этот вопрос дискутировался в правящих кругах и в период создания «Истории». Недаром обе редакции начальных глав несколько расходятся в изображении царя Василия. Нельзя, однако, противопоставлять обе редакции в зависимости от отношения к Шуйскому. Различия касаются тона, а не существа повествования о царе Василии, что однажды признает и П. Г. Васенко.³³ Так, в окончательной редакции Палицын уже не сравнивает Шуйского со «зверем гонимым», хапающим «обоюду, не ведая что», но вновь говорит о казни царем как виновных, так и «несогрешьших». Здесь мы уже не находим замечания о «предании» Шуйского как божьей каре за грабеж им чужого имущества. Но подобную мысль мы встречаем в 56-й главе «Истории».³⁴ При правке начальной редакции Палицын выпустил сообщение о постыдном отступлении царя Василия из-под Калуги. Автор, видимо, стремился исправить фактическую ошибку (Шуйского под Калугой не было); сочетать с этим объяснением мотив большей почтительности к царю вряд ли правомерно. П. Г. Васенко противопоставляет рассуждения обеих редакций о крестном целовании Шуйскому. Однако, опустив поговорку «окаанних» о царе Василии, Палицын и теперь отмечает факт поношения царя. В обоих случаях келарь считает, что надо было не присягать Шуйскому, санкционируя его незаконное воцарение, а сразу лишить его престола, даже если не все, а лишь «безумные» не признают царя. Мысль автора везде одинакова: царская власть должна находить всеобщее признание, которое является гарантией ее прочности. В обеих редакциях подчеркнуты также политическая близорукость и неправосудие Шуйского, его «двоумыслие» к «первоначальствующим» и вера клеветникам.³⁵ Правда,

²⁹ П. Г. Любомиров. Новая редакция. . . , с. 240.

³⁰ Сказание, с. 238, 253, 256, 258.

³¹ П. Г. Васенко. Две редакции. . . , с. 31—32. Во время написания статьи П. Г. Васенко не было известно о существовании Забелинского варианта.

³² Л. В. Черешин. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, т. 14, М., 1945, с. 102.

³³ П. Г. Васенко. Две редакции. . . , с. 22.

³⁴ Сказание, с. 205. В окончательном варианте 56-й главы явно враждебное отношение к Шуйскому сменилось его апологетикой. Но нам кажется вероятной гипотеза Е. Н. Кушевой, что Палицын не был автором этого варианта (Е. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени XVII века. — Учен. зап. Саратов гос. ун-та, 1926, т. 5, вып. 2, с. 64).

³⁵ Сказание, с. 116, 119—120, 266—267, 270. Неблагоприятные отзывы о Шуйском имеются и в других частях «Истории» (там же, с. 128, 170, 203—205, 207).

в окончательном тексте Палицын награждает царя Василия эпитетом «благочестивый», которого он не находит для Годунова.³⁶ Это, однако, не меняет сколько-нибудь существенно его отношения к Шуйскому.

Повторяя аргументацию А. В. Горского, П. Г. Васенко считает рассказ первой редакции об умолении Бориса решающим доводом в пользу своей датировки Академического варианта. Поскольку в марте 1613 г. келарь принял участие в подобной же церемонии умоления Романовых, исследователь находит психологически невозможным создание этого рассказа после воцарения Михаила.³⁷ Однако П. Г. Васенко едва ли удалось проникнуть в тайники психологии Палицына. Ведь психологически возможным было обличение хлебных спекуляций в голодные годы, хотя сам келарь в них участвовал.³⁸ Психологически возможным было гневное осуждение «перелетов» при нестойкости самого Палицына.³⁹ Почему же тогда невозможно было суровое порицание келарем ношения «святых икон» на умоление Бориса? Дело в том, что политическая обстановка при воцарении Бориса и Романовых была не одинаковой, как и главные «святыни», использовавшиеся при умолении. В 1598 г. носили икону Владимирской Богоматери, вызывавшую у Палицына чувство трепетного благоговения, а 15 лет спустя — ее копию.⁴⁰ Почему же Палицын выпустил суровые порицания в соответствующем рассказе окончательной редакции? Видимо, это объясняется опасением, как бы широкая читательская масса не распростила их на Романовых, тем более что разницу между двумя умолениями в «Истории» можно уловить с трудом.

Отмеченные признаки «смятения» П. Г. Васенко считает подтверждением своей датировки Академического варианта. Но келарь не заканчивал «пленение» страны воцарением Михаила Федоровича. Ведь за ним последовало нашествие Владислава, в котором участвовали польское «воинство» и казаки.⁴¹ Другие признаки «смятения» также можно отнести к началу царствования Михаила. То, что тогда земледельческие работы «метяшеся», — несомненный факт, по крайней мере для центральных районов страны,⁴² которая еще не вышла из затяжного кризиса.⁴³

По свидетельству Палицына, в момент венчания на царство Годунов обещал, что при нем никто не будет «нищ или беден». И «тряся верх срачицы на себе», он выразил готовность разделить «сию последнюю со всеми». Этот резко осуждаемый в «Истории» «глагол» не вызвал возражений у при-

³⁶ Там же, с. 125. Ю. Д. Кашкаров пытается подкрепить мнение П. Г. Васенко указанием на «царские похороны в Успенском соборе», устроенные Шуйскому «как раз за год до составления Сказания» (Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором. . ., с. 115). Это недоразумение: возвращенный на родину прах Шуйского был захоронен в Архангельском соборе в 1635 г.

³⁷ П. Г. В а с е н к о. 1) Две редакции. . ., с. 12, 32; 2) «Забелинская» редакция. . ., с. 102, примеч. 3. Подобного же мнения держатся И. А. Голубцов, О. А. Державина, Ю. Д. Кашкаров.

³⁸ В. И. К о р е ц к и й. Голод 1601—1603 гг. в России и церковь. — Вопр. ист. религии и атеизма, 1959, т. 7, с. 235—236.

³⁹ П. Г. В а с е н к о. Авраамий Палицын. — В кн.: Люди смутного времени. Под ред. А. Е. Преснякова. СПб., 1905, с. 40. А. Д. Баясный верно заметил, что часто «дела» Палицына не совпадали с его «мнениями» (А. Д. Б а л я с н ы й. Этюды по изучению древнерусских повестей XVI—XVII вв. 1. Литературная традиция в «Сказании» Авраамия Палицына. — Тр. Одесск. гос. ун-та, 1940, т. 1, с. 80).

⁴⁰ Сказание, с. 103, 229, 252.

⁴¹ Там же, с. 239, 240.

⁴² Памятники хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры, т. 1. [Б. м.], 1926 (машинопись); Ю. В. Г о т ь е. 1) Замосковский край в XVII веке. Изд. 2-е. М., 1937, с. 112—156; 2) Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. [Б. м.], 1921, с. 128—129. Для нас важно, что Ю. В. Готье пришел к этому выводу в основном на материалах троичских вотчин.

⁴³ Масловский архив, вып. 1, 1569—1631. — ЧОИДР, 1916, кн. 2, с. 96—98.

сутствующих (а не в обществе в целом, как пишет П. Г. Васенко).⁴⁴ По мнению исследователя, раз «смута» началась от «безумного молчания» русских людей, то придется признать, что келарь считал 1598 год исходным моментом «смятения». ⁴⁵ И так, согласно П. Г. Васенко, в глазах Палицына непротавление Годунову при его венчании породило «смуту». Но последняя предстает в «Истории» результатом целого комплекса причин, среди которых попустительство «высокому глаголу» Бориса занимает второстепенное место. Далее, можно ли было считать это «попустительство» «безумным молчанием»? Никакого молчания по поводу эффектного жеста царя не было: «словеси» его «всеи такоуше и, истину глаголюща, ублажающа». К тому же «божий гнев», по мнению Палицына, на страну навлекло «всего мира безумное молчание, еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели». ⁴⁶ П. Г. Васенко в данном случае забывает, что первопричиной всероссийской «беды» явилось, в глазах Палицына, «изгнание» Романовых в 7109 (1600—1604) г. Он упускает из виду и пропуск фразы о «безумном молчании» в окончательной редакции, где палицынская концепция «смуты» сохранена и детализирована. Наконец, исследователь впадает в известное противоречие, связывая начало «смятения» в «Истории» в одном случае с избранием Бориса на престол, а в другом — с его венчанием на царство.

Что касается признания келарем расцвета страны в первые два года царствования Годунова, то, согласно П. Г. Васенко, для Палицына «все добрые „строения всенародные“ Бориса и все „благини“ Руси были лишь кажущимися», так как царь невзлюбил Романовых и стал их преследовать. ⁴⁷ Это явная натяжка. В представлении келаря гонения на Никитичей вовсе не нейтрализовали «всенародных строений» Годунова, деятельность которого на всех ее этапах изображается в «Истории» противоречивой.

Выделенные Палицыным признаки «смятения» нельзя отнести к началу царствования Бориса, и недаром П. Г. Васенко забывает о них. Не учитывает он и замечания о «божьем всегубительстве», прервавшем мирное правление Годунова. Таким образом, П. Г. Васенко не удалось убедительно доказать, что исходным пунктом «смятения» у Палицына является воцарение Бориса.

П. Г. Васенко датирует Академический вариант рубежом 1612—1613 гг., причем склоняется к концу 1612 г. В это время на повестку дня стал вопрос об избрании царя и, как полагает исследователь, Палицын при своей «практической чуткости» счел наиболее предпочтительными шансы Романовых и сделался их приверженцем. ⁴⁸ Но Г. А. Замятин установил, что в конце 1612 г. «державствующие» поддерживали кандидатуру Карла Филиппа. В январе 1613 г. кандидатура юного Романова была даже отвергнута земским собором, склонявшимся в пользу избрания на престол шведского принца. Окончательный исход борьбы определился только 21 февраля. ⁴⁹ Видимо, лишь незадолго до этого Палицын сделался неофитом Романовых, согласившись передать «первоначальствующим» желание земских выборных видеть царем Михаила. ⁵⁰ И вряд ли осторожный ке-

⁴⁴ Сказание, с. 252; С. Ф. П л а т о н о в. Борис Годунов. Пг., 1921, с. 37.

⁴⁵ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 35.

⁴⁶ Сказание, с. 253.

⁴⁷ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 35. Ранее П. Г. Васенко высказывался не так (П. Г. В а с е н к о. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913, с. 66).

⁴⁸ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 36.

⁴⁹ Г. А. З а м я т и н. К истории земского собора 1613 г. — Тр. Воронеж. гос. ун-та, 1926, т. 3, с. 1—74.

⁵⁰ Сказание, с. 232; Г. А. З а м я т и н. К истории земского собора 1613 г., с. 54, 57.

ларь, сам участвовавший в избирательной кампании,⁵¹ стал бы связывать себя в политических симпатиях, давая к тому же их «вещественное доказательство» — начальные главы «Истории», когда не было уверенности в избрании Михаила, а, напротив, выше котировались шансы Карла Филиппа.

Датировка П. Г. Васенко предполагает, что Палицын финалом «смуты» считал события конца 1612 г., скорее всего — освобождение Москвы. Но после этого «бысть во всей России мятеж велик и нестроение злейши перваго».⁵² Эту датировку исследователь повторил и позднее, уже относительно Забелинского варианта первой редакции. Он не привел новых аргументов в ее пользу.⁵³

П. Г. Васенко попытался определить и время появления окончательной редакции начальных глав. В ней выпущен ряд известий о «грабительстве» царей. Исследователь связывает это с чрезвычайными сборами новой власти в 1614 г. и поэтому думает, что Палицын «исправил свой труд не ранее» этого времени, хотя «вряд ли много позднее его».⁵⁴ Но и в окончательной редакции говорится о «грабежах» Шуйского, встречаются там и «ламентации по поводу грабительских откупов Бориса, не указывается лишь, кто явился их жертвой».⁵⁵ Эти сетования непонятны в свете объяснения П. Г. Васенко. Итак, отмеченные им купюры нельзя считать хронологической реальией.

Как мы видим, П. Г. Васенко не удалось убедительно обосновать свою датировку начальных глав «Истории». Тем не менее ее разделяет ряд исследователей (И. А. Голубцов, Л. В. Черепнин, Л. Н. Пушкарёв, М. Я. Попов). Другие придерживаются не более убедительной датировки П. Г. Любомирова (Н. П. Долинин, Н. К. Гудзий, О. А. Державина, А. М. Сахаров). Наконец, В. П. Адрианова-Перетц, А. Д. Балясный, В. Л. Комарович, Ю. Д. Кашкаров, В. Д. Назаров и Н. В. Водовозов, не высказывая своего отношения к выводам П. Г. Любомирова и П. Г. Васенко, следуют их представлениям о возникновении первой редакции начальных глав до воцарения Романовых, а окончательной — после этого события.

Н. П. Долинин отмечает, что социально-политические тенденции первой редакции соответствуют позиции троичных властей на рубеже 1611—1612 гг. Непонятно, однако, на каких основаниях он утверждает, что «обличение „грехов“ бояр и дворян, осуждение чрезмерной крепостнической политики, . . . отрицательный взгляд на Шуйского» характерны для Дионисия и Палицына этого времени.⁵⁶

О. А. Державина склоняется к датировке П. Г. Любомирова, ибо во время победоносной борьбы с интервентами в 1612—1613 гг. писать резко обличительную первую редакцию «было уже не своевременно», тогда как

⁵¹ Подпись «келаря Авраамия» стоит под жалованной грамотой Д. Т. Трубецкому на Вагу, выданной в январе 1613 г. (И. З а б е л и н. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. Изд. 4-е. М., 1901, Прил. II, с. 273). Он подписывался и под «Утвержденной грамотой» 1613 г. (Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисл. С. А. Белокурова. Изд. 2-е. М., 1906, с. 76, № 11).

⁵² Сказание, с. 231. Эти беды относятся к октябрю-ноябрю 1612 г. (П. Г. Л ю б о м и р о в. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М., 1939, с. 166, примеч. 3).

⁵³ П. В а с е н к о. «Забелинская» редакция. . . , с. 101—102.

⁵⁴ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 15, 38.

⁵⁵ Сказание, с. 109, 258.

⁵⁶ Н. П. Д о л и н и н. Административная и социально-политическая деятельность подмосковных полков («казацких таборов») в 1611—1612 гг. — Науч. зап. Днепропетр. гос. ун-та, 1956, т. 56, вып. 4, с. 105; ср.: Н. П. Д о л и н и н. Подмосковные полки. . . , с. 85.

1610—1611 годы были критическим моментом смуты.⁵⁷ Но и окончательная редакция содержит острые обличения.⁵⁸

В. Л. Комарович находит в первой редакции и «прямое указание» на время ее возникновения — «на 14 [-м] году после избрания Годунова на царство». Конечно, это недоразумение. Подтверждение этой реалии исследователь видел в том, что начальная редакция еще полна публицистической страстности в оценке недавних событий.⁵⁹ Но отзвуки этих событий отчетливо слышны и в окончательной редакции, ей присуща та же злободневная трепетность, что и начальной. Так что предлагаемый В. Л. Комаровичем критерий датировки первых глав «Истории» является несостоятельным.

Таким образом, существующие датировки начальной редакции явно неубедительны. Поэтому нам кажется необходимым заново исследовать эту проблему.

По словам Палицына, в 7113 (1604/05) г. Григорий Отрепьев под именем царевича Дмитрия появился в Польше, «мятеше в двою государству (России и Речи Посполитой, — Я. С.) всеми людьми».⁶⁰ Подобного указания на «смятение» келарь не делает ни в рассказе о воцарении Бориса Годунова, ни в повествовании о голоде начала XVII в. Судя по его замечанию, что «и доднесь вся Россия не может от вяя своея разрешити того ярма», в которое была введена «злодейством» Лжедмитрия I, бедствия самозванщины терзали страну именно с момента появления «расстриги». В окончательной редакции Палицын возмущается тем, что его соотечественники нарушили крестное целование «первое Борису», а в «Сказании об осаде» прямо связывает начало божьего наказания с «попущением» Отрепьева. В унисон с этими указаниями звучит и мысль о «всегубительстве», неожиданно прервавшем вновь наступившее в стране спокойствие. Отмеченные в «Истории» признаки «смятения» имели место тоже с момента выступления первого Самозванца. В составе его армии были «поляки и литва», 6000 их он допустил на свой «брак беззаконный» уже после воцарения, что положило начало «еретическому насилванию» в Москве. Решающую же роль в триумфе «царевича Дмитрия», как верно заметил Палицын, сыграли «свои» — жители северской и полевой окраины России, собиравшиеся здесь «от лет царя Ивана Васильевича даже и до расстриги Гришки». Стало быть, именно при последнем эти «гады» пришли в движение. Подтверждением тому является свидетельство Палицына, что беглецам на «украины» «дойде время по их вражю изволению» с появлением Лжедмитрия I. Воцарив Самозванца, они приобрели силу и влияние. «Вси умнии» от них «токмо плачюще, слова же рещи не смеюще».⁶¹ Это ли не «пленение... от своих»? Постоянная опасность гибели грозила всем также со времени Лжедмитрия I. Палицын рассказывает о гибели обличителей Самозванца, о том, что называвшие его «расстригой» пропадали без следа, а те, кто мысленно осуждал «царя Димитрия» и его приверженцев, не могли выступить именно под страхом смерти. Вообще при Лжедмитрии «во всех

⁵⁷ О. А. Державина. 1) «Сказание» Авраамия Палицына и его автор, с. 32—33; 2) Историческая повесть первой трети XVII в. Автореф. докт. дис. М., 1953, с. 16.

⁵⁸ Ю. Кашкаров. Кто был автором... с. 111—117.

⁵⁹ История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., 1948, с. 51.

⁶⁰ Сказание, с. 110, 260.

⁶¹ Там же, с. 107, 110—114, 125—126, 128, 203, 255, 260—264. Под «умными» Палицын понимал не только «знатных людей, бояр» (Д. П. Маковский. Первая крестьянская война... с. 291), но и остальных представителей правящего класса, включая и мелкопоместных служилых людей.

градех российских. . . мнози погибоша».⁶² Ко времени первого Самозванца можно отнести и другие признаки «смятения».

Таким образом, начало «пленения» страны Палицын связывал с выступлением Лжедмитрия I в 7113 (1604/05) г.

Отсчитывая длительность «смятения» от его исходного пункта, приходим к 7127 (1618/19) г., когда было заключено Деулинское перемирие. В оценке Палицына оно явилось действительным финалом «смуты», восстановив «безмятежье и тишину» в России и Речи Посполитой.⁶³ Характерно, что в данном случае, как и в сообщении о появлении первого Самозванца, речь идет о «смятении» в обоих государствах, что является лишним аргументом в пользу нашей датировки начала «пленения» в «Истории».

Определив хронологические рамки общерусского «смятения», можно заключить, что начальные главы «книги» Палицына не могли возникнуть ранее 1 декабря 1618 г. Но, скорее всего, после подписания Деулинского соглашения келарь описал это и предшествовавшие ему события в «Сказании о нашествии Владислава». Первое время по прекращении военных действий он, несомненно, был занят и восстановлением разоренных троичских вотчин. Поэтому к созданию начальных глав «Истории» Палицын вряд ли мог приступить ранее 1619 г. Попытаемся определить конечную хронологическую границу написания первой редакции. В окончательном тексте фраза Академического варианта «до четырехнадесять лет от смятения» приняла вид «и до четырехнадесять лет, отнеле же смятение бысть».⁶⁴ Последние слова выражают уже уверенность в завершении «беды во всей России». Эта уверенность, видимо, могла появиться лишь после того, как стали выполняться условия Деулинского перемирия, в частности совершился 1 июня 1619 г. обмен пленными между Русским государством и Речью Посполитой. Автор «Истории» прекрасно помнил, как интервенты грубо попрали договор об избрании Владислава на московский престол, он сам находился в напряженной атмосфере деулинских переговоров, когда русские послы опасались «клятвопреступления и измены».⁶⁵ Не было и гарантий, что условия Деулинского перемирия будут выполняться.

Подтверждением нашей датировки нижней хронологической границы появления начальной редакции может служить вероятное участие Палицына в церемониях встречи возвратившегося на родину Филарета, его наречения патриархом и поставления на патриарший престол (14—24 июня 1619 г.).⁶⁶

Следовательно, имеются основания считать, что «Сказание кних ради грех» возникло в течение первых месяцев 1619 г.

⁶² Сказание, с 110—112, 260—263. Характерно, что троичские власти считали 7113 год началом бедствий страны (ААЭ, т. III. СПб., 1836, № 66; АИ, т. III. СПб., № 58; ДАИ, т. II. СПб., 1846, № 35; Памятники хозяйственной истории, т. II. [Б. м.], 1926, с. 6, 22, 23, 25; Памятники социально-экономической истории Московского государства XV—XVII вв., т. 1. М., 1929, с. 185, 201. Ср.: Житие Дионисия. М., 1908, с. 49—50).

⁶³ Сказание, с. 246—247.

⁶⁴ Там же, с. 106, 255; П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 38. П. Г. Васенко по недоразумению считает данное разночтение свидетельством того, что первая редакция возникла не ранее 1614 г.

⁶⁵ Сказание, с. 209—211, 246.

⁶⁶ В источниках, рассказывающих об этих торжествах, Палицын не упоминается, зато указывается на участие в них всего освященного собора (Дворцовые разряды, т. 1. СПб., 1850, стб. 398—406; ДАИ, т. II, № 76). Поэтому можно заключить, что он был свидетелем данных событий, особенно учитывая его роль (пусть второстепенную) в избрании на престол Михаила и значение троичского келаря вообще. О присутствии в это время в Москве автора «Истории» может говорить и то, что 13 июня в Устюжну Железнопольскую приезжал пристав, между прочим по челобитью «келаря Аврамья Палицына з братею» (Е. С т а ш е в с к и й. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1. Киев, 1913, Прил. IV, с. X).

Определить хронологический рубеж между вариантами начальной редакции пока не представляется возможным. Но так как различия этих вариантов слишком незначительны (они носят почти исключительно стилистический характер), то создание раннего варианта заняло, безусловно, больше времени.

Окончательная редакция появилась в 7128 (1619/20) г., когда, по свидетельству Палицына, он «исправил» свою «Историю». Под этим исправлением следует понимать прежде всего переработку начальной редакции, ибо о сколько-нибудь значительных изменениях текста остальных частей произведения говорить не приходится.

Существует взгляд, что «История» завершена на Соловках, откуда перешла в «дом святого Сергия». ⁶⁷ Однако по свидетельству близко знавшего келаря Ивана Наседки, его «книга» написана в Троице. ⁶⁸ А в описи монастырской библиотеки 1641/42 г. «История» значится в качестве «дачи келаря старца Авраамия Палицына». ⁶⁹ Следовательно, она создана до отъезда автора на Соловки.

Этот отъезд датируется исследователями 1619—1621 гг. 11 октября 1620 г. Палицына не было в Троице, как и в 1621 г. В 1619/20 г. он упоминается неоднократно. ⁷⁰ Но в данной его племянника за этот год «келарь Аврамей» не фигурирует, ⁷¹ что говорит о том, что Палицын управлял монастырским хозяйством не позже чем до конца августа 1620 г. Далее, когда 11 октября Д. А. Замыцкий бил челом на архимандрита Дионисия и казначея Моисея, он ссылаясь на подобное челобитье 1620/21 г., т. е. поданное не ранее сентября. Не упомянут Палицын и 6 июня, когда царь с патриархом пожаловали Дионисия, Моисея и «кто по них иные архимариты и келари и казначеи будут». ⁷² Однако грамота Филарета на Алатырь от 12 июня послана по челобитью Дионисия, Палицына и Моисея. ⁷³ У них же Д. С. Погожий взял 24 июня пустошь Мамоново. ⁷⁴ 11 июля на архимандрите и келаре «искал» монастырский слуга А. Дворянкин. Но патриарх пожаловал Дионисия и Моисея, указав, что это решение действительно и при их преемниках, в том числе келарях. ⁷⁵ Видимо, челобитные поданы в бытность Палицына келарем, но рассмотрены уже после этого или когда отъезд Авраамия на его «обещанье» был предрешен. Покинул же он Троицу скорее всего между 24 июня и 31 августа 1620 г.

⁶⁷ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882, с. 11.

⁶⁸ ГПБ, собр. ОЛДЦ, Ф. 8 (6), л. 140—140 об. Ср.: Книга о чудесах преподобного Сергия. Творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888, с. 6, 8; РИБ, т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 932, 1313.

⁶⁹ В. М. Ундольский. Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. М., 1848, с. 12, № 349. На Соловках написан позднейший вариант «Сказания, како грех...», сохранившийся в двух списках (ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 43/1502, л. 143—483 об.; собр. Толстого, отд. II, № 212, л. 77—255). Помимо первой рукописи, нам известно еще 47 списков «Истории», не учтенных в издании 1955 г.

⁷⁰ Памятники хозяйственной истории. . . , т. II, с. 85, 96, 104—110; Сборник грамот коллегии экономии, т. I. СПб., 1922, с. 560, 561; т. II, Л., 1929, с. 483; ЛОИИ, к. 115, № 5, л. 248, 248 об.; к. 238, оп. 1, № 334, л. 175 об.—176 об.; ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 248 об.—249, 644 об.—645, 915, 915 об., 1259 об., 1353 и др.

⁷¹ ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 1259. В предшествующей данной А. Ф. Палицына в Троицу (1611 г.) «келарь Аврамей» отмечен (там же, № 532, л. 15).

⁷² ГБЛ, ф. 303, № 527, л. 399; № 530, л. 172; № 536, л. 164, 168. Моисей был троицким келарем в конце 1621—начале 1622 г.

⁷³ Там же, № 527, л. 700.

⁷⁴ Там же, № 530, л. 258 об., 259; № 536, л. 145 об., 146 об.

⁷⁵ Там же, № 527, л. 534 об.—535 об., 553; № 545, л. 84, 84 об., 113 об.; № 547, л. 155 об., 156, 213. В одной копияной книге монастыря встречаем «рукоприкладство» келаря (там же, № 571, л. 292—307). Другие автографы Палицына см.: там же, № 970; ф. 310, № 1372.8.

К этому времени окончательная редакция начальных глав была готова. Вероятно, она создана уже к концу 1619 г., поскольку Румянцевский список, донесший архетипный текст «Истории», не имеет главы о храме.

Не ранее декабря 1619 г. была написана последняя глава «Истории», рассказывающая «о поставлении храма» в Деулине. Глава завершается страстным призывом «отстать от злых» дел, перекликающимся с целевой установкой начальных глав. Возможно, к моменту освящения Деулинской церкви их окончательная редакция была уже готова. По крайней мере, она вышла из-под пера автора в начале 1620 г. А если так, от составления первой редакции ее отделяет примерно полгода. Сомнительно, чтобы за этот срок взгляды Палицына могли претерпеть заметную эволюцию, которую обнаруживает сравнение этих редакций. Учитывая близость троцкого келаря к правительственной среде и то обстоятельство, что правке подверглись места, расходящиеся с «политическим контекстом» эпохи, можно высказать предположение об официальной цензуре начальной редакции. В таком случае переработка «Сказания, киих ради грех» объясняется стремлением привести его в соответствие с официальными канонами, которые к тому же несколько изменились в связи с выдвижением на первое место в государстве патриарха Филарета. Возможно, что текст первой редакции был обсужден в близких к нему кругах, может быть и при его собственном участии, и автору было предписано «исправить» свое произведение в соответствии с выработанными рекомендациями. П. Г. Любимиров отметил разночтение обеих редакций в рассказе об издевательствах «воров» над Филаретом. «Неловко было сказать про митрополита, а в это время уже патриарха, что его „нагим“ привели в Тушино и в „кривых“ сапогах, и вот первое выпущено, а на ноze святителя одеты книжные „сандалии“». ⁷⁶ Возможность участия Филарета в редактировании «Сказания, киих ради грех» косвенно подтверждается тем, что по возвращении из плена в Москву он остановился на троцком подворье, где в это время, вероятно, находился и Палицын. ⁷⁷

В свете нашего предположения об официальной цензуре первой редакции многие ее разночтения с окончательной получают наиболее убедительное объяснение.

Чуткость же Палицына к «верхам» не исключает того, что он мог недопонимать их интересы. Так, намечая общую внутриполитическую линию «богоизбранного» Михаила Федоровича в 73-й главе произведения, он считает пошадой и долготерпением к виновным условием благоденствия страны. ⁷⁸ Характерно, что в первой части «Истории» этот мотив уже не повторяется.

Следовательно, вопреки мнению П. Г. Васенко, правку начальной редакции можно объяснить и при поздней ее датировке.

Многие исследователи так или иначе отмечали связь «книги» Палицына с официальной историографией XVII в. И. П. Елагин, а спустя полтора века и Л. В. Черепнин выдвинули плодотворную гипотезу об официальном характере «Истории». ⁷⁹ В пользу этой гипотезы свидетельствуют и наша датировка первых глав произведения, а также вытекающее отсюда предположение о правительственной цензуре начальной редакции.

⁷⁶ П. Г. Любимиров. Новая редакция... с. 247.

⁷⁷ ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 149. Еще Д. И. Иловайский относил «Историю» к числу произведений, которые «или составлены, или получили окончательную редакцию уже во время Романовых (преимущественно под влиянием Филарета Никитича)» (Д. Иловайский. Смутное время Московского государства. М., 1894, с. 276, примеч. 1).

⁷⁸ Сказание, с. 239.

⁷⁹ И. Елагин. Опыт повествования о России, кн. 1. М., 1803, с. XXIII; Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века, с. 100.

Советские ученые много сделали для изучения официальной историографии первой трети XVII в. Выяснены изменения, которым подверглась в правительственных кругах «Повесть како отомсти». ⁸⁰ Можно говорить об официальной цензуре проекта исторического введения к «Утвержденной грамоте» 1613 г. и «Рукописи Филарета». ⁸¹ К числу этих памятников нужно отнести и палицынское «Сказание, ких ради грех».

Наша датировка первой части «Истории» делает понятным наличие здесь сведений, почерпнутых, по всей вероятности, в архивных материалах. Работа Палицына в архиве Посольского приказа относится исследователями к 1613—1614 гг. ⁸² Это мнение ничем не аргументировано. Больше оснований считать, что келарь был допущен в архив после составления его описи, т. е. не ранее 16 ноября 1614 г. ⁸³ Но с июня 1614 по конец марта 1615 г. троицкие власти, в том числе Палицын, были заняты составлением копияной книги, ⁸⁴ что требовало разбора огромного вотчинного архива монастыря. О присутствии келаря в Лавре в это время, помимо копияной книги 1614 г., говорят и другие источники. Палицын был в монастыре и летом 1615 г. ⁸⁵ А 24 октября того же года келарь «государевым словом» вызывал из обители в Москву троицких старцев Арсения Глухого и Антония Крылова для исправления богослужебных книг. ⁸⁶ Не исключено, что именно осенью 1615 г. он работал в посольском архиве.

По мнению И. А. Голубцова, Палицын был допущен в архив лишь при создании окончательной редакции. Но и в «Сказании, ких ради грех» содержатся уникальные данные (в том числе статистические), которые, видимо, восходят к архивным материалам. В Академическом же варианте имеется ряд новых сведений. В частности, там дается историческая справка о папских кознях на Руси. Возможно, одним из ее источников явились документы посольского архива о миссии Антония Поссевино. ⁸⁷ Нам представляется, что данную справку, как и сведения о местах боев между войсками Шуйского и его противников, автор «Истории» получил от дьяков и подьячих Посольского приказа, принимавшего, как известно, участие в составлении трудов о «смуте». ⁸⁸ В таком случае мы имеем еще одно ос-

⁸⁰ В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 236—240.

⁸¹ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., с. 100 и сл. Л. В. Черепнин склонен атрибутировать указанный проект автору «Истории» (там же, с. 100, 116). Но общие черты этих произведений характерны для всей литературы смутного времени, различия же их (идейные, фактические, стилистические, языковые) слишком велики, чтобы приписывать данные сочинения одному автору.

⁸² И. А. Голубцов. «Измена» Нагих, с. 67; Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., с. 99, 100; Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959, с. 325.

⁸³ Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 47. Л. В. Черепнин справедливо пишет, что опись «в числе других целей преследовала и задачу предварительного учета и разбора архивных фондов в целях их последующей историографической разработки», но почему-то не распространяет этого положения на Палицына (Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., с. 92).

⁸⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы. . . , ч. 2, с. 39, примеч. 1.

⁸⁵ Памятники социально-экономической истории Троице-Сергиевой лавры, т. I, с. 283, 286, 292; ААЭ, т. III, № 66; АИ, т. III, № 58; ДАИ, т. II, № 35, 37; Памятники хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры, т. II, с. 150, 153, 156; ср. с. 25.

⁸⁶ Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку троицкой духовной семинарии в 1747 году, вып. II. М., 1887, с. 196—197.

⁸⁷ Описи царского архива. . . , с. 64, 72, 77, 78, 110, 114, 115, 124. Одним из составителей описи 1614 г. был князь Д. Мезецкий, известный Палицыну по «великому посольству» к Сигизмунду III и депутации в Кострому в 1613 г.

⁸⁸ Конечно, Палицын литературно обработал представленный материал.

нование считать «Сказание, киих ради грех» официальным произведением. Что правительству было известно о литературных занятиях Палицына, можно видеть и из такого факта. Поручая в ноябре 1616 г. исправление требника троицким «духовным и разумичным старцом» во главе с архимандритом Дионисием, царь не назвал в их числе безусловно отвечающего этим требованиям келаря.⁸⁹

Датировка первой части «Истории» концом 1618—началом 1620 г. позволяет объяснить ошибку автора начальной редакции при определении времени наступления «беды по всей России», а не считать ее случайной.⁹⁰ Вычитая из числа 7127 годы «смятения» и два голодных года,⁹¹ приходим к 7111 г., когда, согласно «Сказанию, киих ради грех», на страну обрушилось стихийное бедствие. При этом Палицын не учел периода «мира и утверждения» или, ставя неправильную дату, еще не предусматривал его.

Наша датировка 6 первых глав палицынской «книги» значительно изменяет представление о ее литературной истории. Оказывается, что эта часть произведения написана позже остальных. Поэтому можно поставить вопрос об эволюции взглядов Палицына. Указанная датировка служит веским доводом против гипотезы о принадлежности первой редакции Дионисию. Она позволяет конкретизировать оценку идеологической борьбы первых лет после окончания гражданской войны и иноземной интервенции, особенно официальной идеологии этого времени.

---

⁸⁹ ААЭ, т. III, № 329.

⁹⁰ И. А. Голубцов. «Измена» Нагих, с. 66.

⁹¹ Так в Забелинском варианте; в Академическом правильно говорится о трех годах голода. Видимо, Палицын просто механически перенес дату из оригинала первоначального варианта.